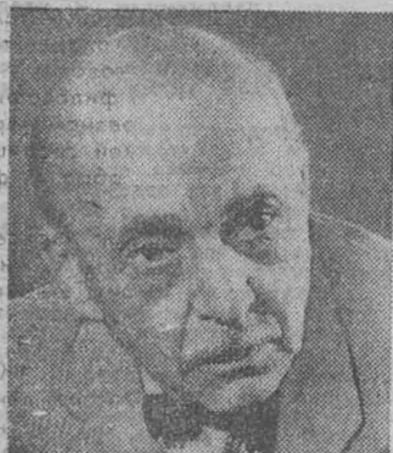

Павел Григорьевич АНТОКОЛЬСКИЙ

Умер Антокольский. Эта горестная весть болью отзовется в сердцах всех, кто знает и любит советскую литературу.

Павел Григорьевич Антокольский родился в 1896 году в Петербурге в семье адвоката. Первая книга его стихов вышла в 1922 году. Почти шесть десятилетий, не смолкая, звучал в нашей поэзии страстный голос Антокольского. Уже в двадцатых — тридцатых годах ему принесли широкую известность драматические поэмы о Парижской Коммуне и Французской революции, гневно-темпераментные стихи о современном Западе, тонкие и пронзительные лирические произведения. Уже тогда он определился как поэт с неповторимой творческой индивидуальностью. Вахтанговский артистизм (Антокольский начинал работу в искусстве как актер и режиссер вахтанговского театра) сочетался в нем с преклонением перед великими традициями русской поэзии, верным продолжателем которых он был, — недаром его перу принадлежат замечательные очерки о Пушкине, Лермонтове, Блоке, Брюсове, Маяковском.

В тридцатых годах Антокольский создает яркие книги о нашей социалистической современности — «Действующие лица», «Большие расстояния», «Пушкинский год». К тому же времени относится начало его поэстической неосвященной работы переводчика, сделавшего достоянием русского читателя творения поэтов нашей многонациональной Родины. Антокольский был переводчиком и близким другом М. Бажана, С. Чиковани, Н. Зарьяна, С. Вургуна и многих других поэтов Украины, Грузии, Армении, Азербайджана. Велик вклад, внесен-

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

■ Не буду говорить о книгах Павла Григорьевича Антокольского. Его стихи и поэмы, его полная духа поэзия и духа истории проза, его статьи о поэтах прошлого и нынешнего веков знают и любят все, кто причастен душою к поэзии.

Перечислить все сделанное им просто-напросто невозможно. Он работал до последних месяцев своей жизни и, умирая, продолжал жить интересами нашей поэзии.

И есть нечто символическое в том, что его самая последняя в жизни маленькая статья о большой и прекрасной книге Владимира Орлова, посвященной жизни и творчеству Александра Блока, появилась за подписью Антокольского в траурной рамке в том же номере «Литературной газеты», где мы с горячою прелестью извещали о смерти поэта на 83-м году его благородной и целиком отданной поэзии жизни.

Я один из учеников Антокольского, я помню его, когда ему не было еще сорока, когда он, наш тогдашний учитель, был на четверть века моложе меня нынешнего. Я помню его строгость к стихам нашим и его доброту к нам самим, помню его заботу о нас, его понимание наших ошибок, если эти ошибки были честными. И его бесповоротное, наотрез, неприятное любого проявления трусости и криводушия даже в тех людях, к которым он до этого был глубоко привязан. Я помню очень многое об Антокольском, но сегодня мне

■ Так вот какова эта ночь на самом деле. Темно, и в мозгу — стороннее причитание безутешного пульса: где ты сейчас, где ты, любовь моя, радость? Там, где твой мальчик в шинели, там, где твоя Зоя, там, где наступил тебя. Но где это? Почему это так непроницаемо для мысли? Или это запершееся, изнывающее место в груди, видимо, главное в ночной муке, и есть твое нынешнее вместилище, твоя запасная возможность быть и страдать?

Давно, трепеща за него и обрываясь, душа уже попадала в эту ночь из предыдущего времени, измеряла к себе ее неподъемность, но в должный час оказалась неопытной, на готовую перенести. И сам он, зимою сидючи со мною на кухне, описывая мне эту ночь, предписывая и утешая, но и взглядываясь в нее особенным взором, стараясь разглядеть. Как тяжко тогда мне был этот взор, а ведь это было счастье: он издавна смотрел на эту ночь, он был жив. Я сказала: «Полно, полно! Я не собираюсь доживать до этого!» — чем испугала и расстроила его, и он прикрикнул: «Молчи!»

Рот по его вышло, не по-моему. А я и впрямь не собиралась, не умела вообразить этого. Из нас никто никогда не жил и не обходился без него, этому только предстоит учиться. Мы родились — он обрадовался нам, мы очнулись от детства — он ужаснулся, протягивая навстречу руки, мы старались — он благословлял нашу молодость. Мы разгневались в этой длительности, обманчиво похожей на бесконечность. Простое знание, что он — несомненно — чудо, было на стороне не тревоги, а детской надежды: он будет всегда, без него ничего не увидит.

Впервые я увидела его осенью 1955 года: он летел по ту сторону океана, чтобы вскоре влететь. Пока же было поздно, как летит воздввз палку, излаивая приветственный шум. Меня поразили его свирепая доброжелательность и его хрупкость, столь способная облечь и вылететь мощь, пыл, азарт. Он летел, неся деньги человеку, который тогда был молод, беден и захворал. Более с ним не разминулись, я вскоре поняла, что его положение и занятие

новый им в дело перевода на русский язык французских поэтов — от Руже де Лилля и Беранже до Арагона и Элюара.

22 июня 1941 года на писательском митинге в Москве Антокольский подает заявление о вступлении в партию и в разгар войны становится коммунистом.

Его поэтический голос в стихах военного времени приобретает особую мужественную страстность. После того как единственный сын Володя пал в 1942 году смертью храбрых, Антокольский пишет свою знаменитую поэму «Сын». В ней с огромной силой выразилась скорбь народа по своим героическим сыновьям, отдавшим жизнь за имя свободы и независимости первого в мире социалистического государства.

В годы войны Антокольский неоднократно выезжал в действующую армию в качестве военного корреспондента. Выпускает несколько книг стихов и с удвоенной энергией посвящает себя воспитанию поэтической молодежи — делу, которому он начал служить задолго до войны. Десятки поэтов разных поколений по праву считают его своим наставником.

В послевоенные десятилетия Антокольский написал поэмы «Коммунистический манифест», «В переулке за Арбатом», «Океан», «Зоя Бажанова», «Кубок Большого Орла», «Пустил книги «Мастерская», «Высокое напряжение», «Четвертое измерение», «Повесть временных лет», «Сказки времени» (в этой книге он впервые выступил как прозаик). В те же годы одна за другой выходили книги статей и очерков Антокольского о классиках русской и мировой поэзии и современных советских поэтах.

Более чем полувековая напряженная творческая жизнь Антокольского была увенчана высокими наградами Родины — он был награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и многими медалями. Он был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Ушел из жизни поэт-коммунист, верный сын своей Отчизны, блистательный знаток русской и советской поэзии, воспитатель многих поэтических поколений.

Советские писатели вместе с миллионами читателей поэзии в глубокой скорби склоняют головы перед светлой памятью ушедшего.

■ хочется сказать о последнем свидании с ним.

Это было за несколько дней до его смерти. Тело его умирало, и это было очевидно, но глаза и придуренный болезнью, слабый, хрипловатый, голос оставались живыми. Мне хотелось обрадовать его, уходившего из жизни. Я рассказал ему о том, что особенно волновало его в последние годы и месяцы: о том, как идет подготовка к юбилею любимейшего им Александра Блока. Я рассказал ему, что в Ленинграде недавно принято прекрасное, многообещающее решение: к 100-летию Блока на Пряжке в двух кварталах — в одной из которых Блок долгие годы жил, и во второй, где он умер, — открыть мемориальный музей-квартиру Блока.

И вдруг на иснаженном болью и страданием лице Антокольского появилась радость — и не просто радость, а счастливая улыбка, которую я видел на его лице в самые восторженные минуты его жизни.

— Как это хорошо, — сказал он чуть слышным шепотом и, продолжая улыбаться, повторил еще и еще раз: — Как это хорошо! Как это хорошо!

И в моей памяти, наверное, навсегда останутся это лицо, эта счастливая улыбка умирающего поэта, который и в эту минуту, как и всю жизнь, думал не о себе, а о нашей поэзии, о ее славе и ее достоинстве.

Константин СИМОНОВ

■ в странстве и есть этот полет, прыжок, имеющий целью отдать и помочь. В его существе обитала непрестанная мысль о чьей-то нужде и невзгоде. Об этом же были его последние слова дочери Наталии Павловне. Раздаривание — стихов, книг, вещей, вещей, взглядов, объятий и всего, из чего он неисчислимо состоял, — вот его труд и досуг, прибыль расточителя, бушующего и не убывающего, как прибой: низвергающая и множась.

И вот, мынаясь в этой ночи, до которой довелось-таки дожидаться, что сейчас жаждет мне пронзительным, хитроумно-живучим, я считаю все, данное им. Без власти к себе я знаю, что взяла все его дары и подарки, и это единственное, что я для него сделала. Я не удержала его жизни — пусть вычитанием дней из своей. То есть они вычтены, конечно, но уже без пользы для него, наоборот. Долго идя к нему в последний раз, я опоздала на час — навсегда. Почему, пока мы живы, мы так грубы, безтолковы и никуда не успеваем? Он успевал проводить любую простуду и освесомиться о благополучии всех, и собани.

И как сформулировать то, что подлежит огласке? Он это знал, когда писал о Сыне и Зое Бажановой.

Чтобы описать эту ночь, предоставленную нам для мысли о том, что он приходился нам жизнью, это степень нашего родства с ним, — надо писать, а здравого ума пока нет.

Я знаю, что книги остаются. Я убедилась в этом, открывая его книги на исходе ночи, когда проступал уже день, обезображенный его отсутствием, понимаю, конечно, что просто новый день ни в чем не повинный. Он продолжал оставаться чудом: жалел и ободрял, и его обычный голос отвечал мне любовно и внятно.

Я знаю его внуков и правнуков, в которых длится бег его крови.

Знаю, что жизнь его ображена к стольким людям, скользко есть их на белом свете, и это не может быть безответно и бесследно.

Но на самом деле я знаю, что утешения нет.

Белла АХМАДУЛИНА

Мем. заметка, 1948, 18 оет.